

Мимоходомъ.

УП.

Летчики.

Великая война наших дней замечательна между прочимъ тѣмъ, что въ ней впервые авіація заняла серьезное положеніе. Одиночные полеты во время балканской войны были лишь первыми слабыми опытами. Теперь, напротивъ, авіація стала организованной силой въ арміи, и можно сказать, что къ тремъ «родамъ оружія», существовавшимъ съ давнихъ временъ, — пѣхотѣ, кавалеріи, артиллеріи, — прибавился четвертый, — летчики.

Особаго переворота въ военномъ дѣлѣ, какъ некоторые ожидали, примѣненіе авіаціи не произвело. Уэллсъ заблуждался, когда въ своемъ фантастическомъ романѣ «Война въ воздухѣ» предсказывалъ, что для всего человечества наступитъ новая эра подъ влияніемъ военныхъ дѣйствій въ воздухѣ. Во всякомъ случаѣ перемѣна оказалась безмѣрно меньшей, чѣмъ та, напримѣръ, которая была вызвана примѣненіемъ огнестрѣльнаго оружія. Когда въ артиллеріи на мѣсто древнихъ катапультъ и баллиствъ стали пушки и мортиры, пришлось отказаться чуть ли не отъ всѣхъ прежнихъ методовъ веденія войны; примѣненіе же дирижаблей и аэроплановъ только расширило немного средства военной техники, и ничего болѣе.

Несмотря на то корпусъ летчиковъ въ арміи остается явленіемъ чрезвычайно характернымъ, своеобразнымъ. Первенецъ XX вѣка, авіація пришлась по душѣ современнымъ людямъ; у нея нашлись страстные поклонники, посвящающіе ей всю свою жизнь; уже есть прирожденные авіаторы, какъ бываютъ прирожденные поэты. Когда собесѣдуешь съ летчиками, предавшимъ своему дѣлу, кажется, что попалъ въ новый міръ. Какія-то чуждыя намъ представленія о событіяхъ складываются у людей, которые привыкли смотреть на землю «сверху внизъ», наблюдать жизнь съ высоты въ 2,000 метровъ.

Въ Варшавѣ и при развѣздахъ по театру военныхъ дѣйствій мнѣ случалось не разъ встрѣчаться съ нашими военными летчиками, бесѣдовать съ ними, расспрашивать ихъ. Приходи-

лось видѣть и ихъ эволюціи надъ Варшавой и надъ позиціями, а также во время моей поѣздки въ Б. и полеты нашихъ дирижаблей.

Все чаще слышишь объ удачныхъ развѣдкахъ и лихихъ «налетахъ» нашихъ авіаторовъ; все чаще видишь на крыльяхъ парящаго моно- или биплана бѣлый кругъ, — знакъ, присвоенный русскимъ воздухоплавательнымъ машинамъ.

Совсѣмъ недавно мнѣ случилось бесѣдовать съ однимъ изъ офицеровъ-наблюдателей, П., совершившимъ длинный рядъ очень смѣлыхъ и очень усидчивыхъ воздушныхъ развѣдокъ и пользующимся огромнымъ уваженіемъ въ своемъ полку и среди товарищескихъ авіаторовъ. П. — фанатикъ своего дѣла; онъ посвятилъ себя авіаціи съ самаго ея возникновенія и, какъ птица, считаетъ воздухъ родной стихіей. Когда въ разговорѣ заходитъ рѣчь о какомъ-либо новомъ лицѣ, П. неизмѣнно спрашиваетъ:

— А какое отношеніе имѣетъ онъ къ авіаціи?

Разумѣется, въ этихъ вопросахъ есть доля шутки, но все-же они опредѣляютъ мировоззрѣніе П.: все, что не имѣетъ отношенія къ авіаціи, кажется ему мало интереснымъ.

Я задалъ П. вопросъ, особенно интересовавшій меня: каково, по его мнѣнію, значеніе авіаціи для военного дѣла?

— Я думаю, — не безъ грусти отвѣтилъ П., — что настоящую пользу мы можемъ принести почти исключительно при развѣдкахъ. Бросаніе бомбъ въ сущности — вздоръ. Нацѣлиться съ высоты страшно трудно: мѣтись въ одно мѣсто, а попадешь на десятки саженъ въ сторону. Мнѣ самому удавалось причинить нѣмцамъ тяжкій вредъ бомбами, но, — увѣряю васъ, — болѣе или менѣе случайно. Однажды я цѣплялся въ мостъ, а попалъ въ нѣмецкій обозъ и произвелъ тамъ жестокое оупотопленіе, — и все въ этомъ родѣ. Такъ же и нѣмцы: если имъ удастся ловко попасть бомбой, то только по случайной для нихъ случайности.

— А воздушный бой? — спросилъ я.

— Почти невозможная вещь. На большомъ разстояніи стрѣлять бесполезно: при быстротѣ хода аэроплановъ ни за что не попадешь. А подойти въ воздухѣ близко къ неприятелю удается одинъ разъ изъ ста, если не изъ тысячи. Это такъ рѣдко случается,

что многіе изъ насъ даже оружія съ собой не берутъ. Вотъ, напримѣръ, недавно летчику С., — офицеръ очень дѣльный и очень храбрый, — посчастливилось наткнуться на нѣмца. Аппаратъ у С. дѣлаетъ 150 верстъ въ часъ, а у нѣмца — только 100. С. нагналъ нѣмца; тотъ поблѣднѣлъ, весь замеръ, потому что у него не было съ собой никакого оружія. Не на бѣду и у С. не было съ собой даже револьвера: въ карманѣ — часы и вилка шоколада! Догналъ С. нѣмца, посмотрѣлъ на него, раскланялся вѣжливо и повернулъ обратно.

— Простите, но мнѣ кажется, что летѣть безъ оружія все-таки неблагоразумно. И потому это — случай исключительный.

— Если и есть оружіе, то бываетъ трудно нацѣлить врага. Случай съ С. именно исключительный. Что изъ того, если аппаратъ дѣлаетъ лишь 50 верстъ въ часъ. Погода обыкновенно длится нѣсколько минутъ. За это время нѣмецъ всегда успѣваетъ достигнуть района расположенія своихъ и приземлится. Нѣсколько разъ я преслѣдовалъ этихъ «гелузей» на аппаратѣ, который идетъ гораздо скорѣе, и всегда безуспѣшно. Вотъ не такъ давно во время развѣдки встрѣтился мнѣ нѣмецъ. Я велѣлъ моему летчику (П. самъ не управляетъ аэропланомъ) гнаться за нимъ. Нѣмецъ сталъ давать сигналъ дымками: то выпустилъ струю бѣлаго дыма, то чернаго, повернулъ и сталъ уходить. Мы уже почти-почти его настигли, но онъ тутъ-то и прикинулся. Смотрю: подъ нами нѣмецкія позиціи, батарея и все такое. Если бы мы спустились, насъ разстрѣляли бы какъ куропатокъ. Пришлось возвращаться изъ съ чѣмъ. Ужасно досадно было!

Разговоръ перешелъ на тѣ аппараты, какіе распространены въ нашей арміи и какими пользуется самъ П. Сдѣлавъ характеристику разныхъ системъ аэроплановъ, П. съ особой похвалой отзывался о томъ, какой находится сейчасъ въ его распоряженіи. Это — монопланъ отнятый у нѣмцевъ. Во время одной развѣдки нѣмецъ попалъ въ сферу нашего обстрѣла; на аэропланѣ былъ пробитъ бакъ, и летчикъ принужденъ былъ оупотопиться; аппаратъ былъ взятъ; его исправили и передали П., какъ одному изъ лучшихъ офицеровъ-наблюдателей.

. отличается исключительной быстротой хода

. большой грузоподъемностью и особымъ комфортомъ во внутреннемъ устройствѣ: для наблюдателя устроена особая кабинка, гдѣ есть откидной столикъ, на которомъ можно разложить карту, ящикъ для хранения нужныхъ приборовъ, прикрѣпленная къ борту винтовка и т. п.

— Впрочемъ, — добавилъ П., — для каждаго летчика всего лучше тотъ аппаратъ, къ которому онъ привыкъ. Если бы вы видѣли, какъ управляется С. своимъ маленькимъ «мораномъ-солнцемъ», съ крыльями въ 14 метровъ, что онъ на немъ выдѣлываетъ! Буквально кувыркается въ воздухѣ. «Мертвые петли» для него — самая обычная забава. Хотели сказать, когда ихъ наблюдаешь въ воздухѣ, на равной высотѣ съ «петличкомъ», онѣ производятъ совершенно другое впечатлѣніе, чѣмъ съ земли, — прямо чего-то жуткаго. Большое будущее принадлежитъ и нашимъ «Нилья-Муромцамъ». Подумайте, что одинъ такой богатырь легко поднимается 40 пудовъ груза! Когда недавно нѣмцы забросали бомбами Б., имъ пришлось полетать чуть ли не десятъ аэроплановъ! А «Нилья-Муромецъ» могъ выполнить такую задачу одинъ. Особенно хороши наши «Муромцы» новаго, «облегченнаго» типа. Погодите, вы о нихъ еще много услышите!

Я сталъ расспрашивать о развѣдкахъ, исполненныхъ П. Сколько было можно, онъ подѣлился со мной добытыми имъ свѣдѣніями; но расположеніе арій сейчасъ видоизмѣняется такъ часто, что всѣ эти сообщенія имѣли значеніе лишь на нѣсколько дней. Навсегда мнѣ запомнится только тотъ энтузіазмъ, съ какимъ П. говорилъ о своихъ разсѣдованіяхъ. Онъ, повидимому, чувствовалъ себя истинно счастливымъ всякій разъ, какъ ему удавалось нанести на карту что-нибудь, раше неизвѣстное: новый мостъ, наведенный нѣмцами, новый фортъ, гдѣ-нибудь возведенный ими и тщательно замаскированный, перемѣщеніе позицій.

— Нелегкое это дѣло — воздушная развѣдка! — сказалъ П. — Не довѣряйте тому, кто, полетавъ полчаса, привозитъ какія-нибудь поразительныя открытія. Съ высоты бываетъ очень трудно ориентироваться и еще труднѣе опредѣлить точно, что именно видишь. Необходимо нѣсколько разъ повѣрять самого себя. Обыкновенно лажимъ, лажимъ въ воздухѣ и радъ бываешь, что, наконецъ, отмѣтишь: туда перешла пѣхота, тамъ подходитъ обозъ для что-

нибудь подобнаго. А вернешься, спросишь: сколько леталъ? Оказывается, два часа съ половиной!

— И летать вамъ никогда не бываетъ страшно? — спросилъ я.

— Страшно? Боятся совершенно нечего. Падаютъ летчики всегда по своей неосторожности. Если летчикъ внимательнее относится къ своему дѣлу, летать столь же безопасно, какъ ходить пѣшкомъ или плыть по рѣкѣ на лодкѣ. При исправномъ моторѣ рѣшительно ничего не можетъ случиться. Вотъ летчика, который меня везетъ, я всегда выбираю старательнее и требую отъ него самой строгой аккуратности. Зато и мои летчики не естаются въ накладѣ: всѣ, съ которыми я леталъ, получили георгиевскіе кресты.

Я уже упоминалъ, что П. самъ не управляетъ аппаратомъ, а предоставляетъ это «нижнему чину», сдавшему экзаменъ на военнаго летчика. Я спросилъ, почему онъ это предпочитаетъ.

— Летчикъ изъ меня вышелъ бы посредственный, — скромно отвѣтилъ П., — а наблюдатель я, смѣю сказать, перво-разрядный. Къ тому же солдаты прекрасно справляются со своей задачей. Многіе изъ нихъ дѣлаются превосходными пилотами: такъ ведутъ аппаратъ, какъ не сумѣетъ самый прославленный пилотъ изъ тѣхъ, что забавляютъ публику на аэродромахъ. Сколько разъ мы попадали подъ обстрѣлъ; отъ сотреспія воздуха нашъ аэропланъ такъ и качается, такъ и бросается изъ стороны въ сторону. И ничего! Всякій разъ мой солдатикъ справлялся съ задачей: выпрямить аппаратъ, поднимется выше и уйдетъ.

Помогавъ помпого, П. добавилъ:

— Хотели, помните при случаѣ военнаго летчика солдата Зайцева. Много я съ нимъ леталъ и другаго такого, пожалуй, не сыщу. Съ виду былъ корявый мужичишка; характеръ былъ у него плохой, все любилъ по-своему дѣлать, наперекоръ другимъ. Но такъ ловко владелъ аэропланомъ, что всѣ отдавали ему должное. И храбрости былъ исключительной. Имѣлъ два Георгія и еще заслужилъ бы. Да вотъ третьяго дня, когда нѣмцы бросали бомбы въ Г. Осколкомъ Зайцева ранило; промучился, бѣдненька, сутки и отдалъ душу Богу. Сегодня похоронили.

Галерій Брюсовъ.

Варшава, 31-го января.